

Максимов, который не дает нам уснуть

Кудьбина, — 1998. —
23-29 апр. — с. 6

“Ночные полеты” наяву

Фото Н. ЛОГИНОВОЙ

Наше ТВ точат изнутри две беды. Во-первых, чересчур много непрофессиональности, иными словами, случайных сотрудников. Во-вторых, — что еще печальнее — откровенно неуважительная манера общения с гостями. Начиная с глупых вопросов и кончая иной раз обыкновенным, уж извините, хамством.

От хозяина в студии многое зависит. Совсем недавно с разницей буквально в несколько дней к двум разным телеведущим была приглашена достаточно известная женщина. Оказалась умнейшей и обаятельнейшей. В одном случае. А во втором — с другим ведущим — лучше и не вспоминать. То есть ее просто не узнать было.

Вот почему так отраднo видеть

на “Авторском телевидении” Андрея Максимова в программе “Времечко: ночной полет”. К великому сожалению, буквально в полночь. Но уже то, что ради него и его гостей я дожидаюсь столь неурочной поры, — лучшая рецензия.

Он умен, интеллигентен, как-то окладисто вальяжен, естественно уважителен, и ему вовсе не “по должности”, а неподдельно интересно. Андрей Максимов намагничивает в собеседнике чувство собственного достоинства и спокойную естественность.

Впрочем, давайте порасспрашиваем самого “ночного пилота”.

— Андрей Маркович, вы, видимо, из образованных?

— А как же! Только в МГУ учил-

ся 14 лет на факультете журналистики. Меня регулярно оттуда выгоняли и принимали обратно. Я ведь с 15 лет стал подвизаться на телевидении, публиковаться в газетах, а учиться не любил. Главную профессиональную школу я прошел в замечательной “Комсомольской правде”. А сейчас получаю как бы высшее образование на “Авторском телевидении” у Анатолия Малкина. Анатолий Григорьевич из тех, кто создавал и продолжает создавать профессиональную тележурналистику. Если я что-то на телевидении умею, то благодарю ему.

А главное, он делает такое телевидение, которое ему самому интересно смотреть. Это, на мой взгляд, единственно нормальный подход. Вот почему на “Авторском телевидении” не появляются пусть важные, но неинтересные люди.

— А вы-то сами себе интересны?

— Не в первую очередь!

— Вы, судя по всему, любопытствующий человек?

— Скорее, сомневающийся. Вот я и приглашаю в студию умных людей, чтобы они мои сомнения развеяли или, наоборот, укрепили.

— Вас не смущает, что может заявиться человек, чтобы “лицом похлопотать”?

— Мне все равно, зачем он пришел. Если я более-менее профессионал, то должен добиться, чтобы мой собеседник за полчаса рассказал, что мне и, надеюсь, зрителям, интересно.

Как-то был приглашен Константин Кинчев. И представляете, ну не хочет разговаривать, цедит сквозь зубы: “Да, нет”. Я удивился — а зачем же вы пришли? Оказалось, ему, видите ли, надо прорекламировать свой новый “диск”. Все-таки удалось поговорить.

— А отказы на ваше приглашение бывали?

— Как правило, от учителей, врачей, ученых. Они считают, что публичность — не их дело, у них, дескать, и своей работы хватает. Например, замечательный математик Фоменко доказал, что мы неправильно ведем летоисчисление.

Совершенно невозможно его уговорить прийти. Есть и более поразительный случай. Казалось бы, для восхитительного актера Петренко публичность — в основе профессии. Категорически отказывается прийти!

— А бывает, что сами напрашиваются?

— Особенно политики! “Напрашивающиеся” немедленно получают отпор.

— Случается, что вам в эфире лгут?

— Станный вопрос. Я же ничего такого не спрашиваю, чтобы вдруг пришла нужда врать. Человек может заблуждаться. Но это я так полагаю, а он-то полагает, что не заблуждается. И кто из нас прав — еще не факт.

— Тем более что он к беседе готовился, а вы импровизируете.

— Приятно слышать, но дело обстоит иначе. Мы к разговору очень даже готовимся. Я имею в виду редакторов Ларису Усову и Тамерлана Вахарчиева. Конечно, по ходу встречи возникает необходимость и в импровизации. Разговор ведь иной раз поворачивается самым неожиданным образом.

— Вы весьма паритетно разговариваете с выдающимися людьми. Не боитесь “профблезни” — ведь можно такое о себе возмнить?

— Какой там паритет! Мне интересны люди, которые прожили долгую жизнь и всю свою жизнь думали. Я всего лишь “тубка”, ко-

торая старается благодарно впитать хоть часть того, что они знают.

Но как только я подобострастно подумую, что передо мной сидит великий человек, я не смогу дальше работать. Впрочем, когда ко мне приходили Майя Плисецкая, Галина Вишневская, Элина Быстрицкая, я испытывал благоговение. Они же — грезы моей молодости!

— Вы — дамский угодник?

— Это не про то!

— Знаете, кого мне не хватает в вашей передаче? Элита — вторична. А первичен повседневный человек. Он — опора, фундамент, на котором возникает элита.

— Видите ли, сама передача задумана, как встречи с уникальными людьми. Но вы правы! Я об этом думаю и даже, пожалуй, мечтаю. Но я уже говорил, что “безвестные” как раз не склонны к известности. А может, мы искать не умеем?

— Насколько знаю, вам, помимо телевидения, не чужд и театр?

— Да, мои пьесы идут вроде бы успешно в хороших театрах. Одну даже сам поставил. Понимаете, я очень побаиваюсь стать “телевизионным человеком”. Прелестно сказала Кира Прошутинская: “У многих мужчин на телевидении развивается женский гормон”. Хочется, чтобы тобою любовались, повышенное внимание к своей внешности, расстраиваются, когда в метро их не узнают. Погибель какая-то!

А я очень люблю театр. И это позволяет мне не заикнуться на моем “телелице”.

Беседу вел
Эдуард ГРАФОВ